

ческого анализа, отчего повествование становится эмоциональнее и ярче. Так, переживания и раздумья Дмитрия Ковалева, Ефросиньи Шубиной, Егора Ложкина, Васи Романова и некоторых других героев помогают читателю представить их более четко и выпукло, дают возможность не просто верить автору, но самим увидеть их такими, какими они были в жизни.

Думал ли В. Татаринев, что он станет профессиональным писателем? Что привело его в литературу? Нет, не думал. Не думал потому, что его жизнь была слишком напряженной и нелегкой, заполненной до отказа неотложными делами и трудами. Наполненность, напряженность диктовались временем и еще тем, что В. Татариневу, как и многим из людей его поколения, не хотелось быть в стороне от забот и свершений советского общества.

Родился Виктор Федорович Татаринев 5 июня 1925 года в деревне Рябчик Пычасского района Удмуртии (ныне Можгинский район). Семья Татариневых по тем временам была редкостной и по-особому уважаемой в округе: и мать и отец были учителями. Это были интеллигенты в первом поколении, рожденном Советской властью. Они обучали крестьянских детей начальной грамоте и ликвидировали безграмотность их родителей. В тринадцать лет, в 1938 году, Виктор Татаринев окончил неполную среднюю школу в Большой Кибье и поступил учиться в Ижевский промышленный техникум. В этот период индустриализации всей страны нужда в технических специалистах была крайне велика, ибо от них немало зависело наращивание промышленной мощи Советской страны, восстанавливающей свое хозяйство. Возможно, В. Татаринев стал бы одним из командиров производства на одном из заводов Ижевска. Со временем он мечтал стать не только техником, но и инженером... Нет, не довелось В. Татариневу осуществить свои мечты, не стал он ни техником, ни инженером. Двадцать второе июня 1941 года перечеркнуло все планы на будущее и по-своему распорядилось судьбой юноши, не достигшего призывного возраста. Началась Великая Отечественная. Техникум пришлось оставить, чтобы стать рабочим завода, выполнявшего военные заказы. В. Татаринев работал, как и все, по полторы-две смены, душой рвался туда, где еще труднее и опаснее,— на фронт. 5 июня 1943 года ему исполнилось 18 лет, а 10 июня он ушел добровольцем на фронт. Он стал участником боев в составе 117-й гвардейской стрелковой дивизии, бойцом-наводчиком станкового пулемета. Был ранен. Демобилизовался из армии уже в 1950 году.

Когда прожита четверть века и пройдены немеряные версты военных дорог, то человек не всегда остается верен юношеским мечтам. Плохо, это очень плохо, когда светлые мечты так далеко и безжалостно отбрасывает навязанная война. Этого не должно быть, этого никогда не должно больше случиться! Думается, именно поэтому В. Ф. Татаринев, вернувшись на родину, в Ижевск, сразу же поступа-

ет на службу в органы МВД, в которых прослужил до 1971 года, пока не вышел в отставку в звании майора милиции.

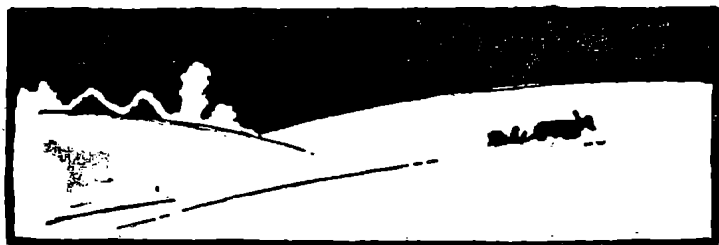
За время службы в органах будущему автору пришлось исполнять разные должности: был он и госавтоинспектором, и начальником городской автоинспекции, и заместителем начальника районного отделения милиции. Возможно, все эти должности нельзя назвать самыми-самыми заметными и опасными из тех, что есть в номенклатуре МВД, но и спокойными, тихими их тоже не назовешь. Будни людей, несущих подобную службу, тревожны и напряженны, поскольку их назначение едино — обеспечивать спокойствие и безопасность советских граждан: днем и ночью, в будни и праздники, в зной и мороз. Такая служба была по нраву В. Ф. Татаринову.

В 1953 году он, комсомолец конца тридцатых годов, вступает в ряды членов Коммунистической партии Советского Союза, чтобы быть на переднем крае борьбы за коммунизм. Одновременно с этим поступает на отделение заочного обучения Удмуртского педагогического института, который окончил в 1958 году.

В этих скупых фактах жизненного пути В. Ф. Татаринова нельзя не заметить того, что он никогда не искал легких дорог, что он привык идти по жизни, как говорится, с полной выкладкой. Это и привело его в литературу: в нее он вступил зрелым человеком с солидным жизненным опытом и стремлением поведать читателям о тех, кто всегда стоит на страже мирного труда, у кого такие же будни, к которым причастен и он сам.

«Под ризой епископа» — шестая повесть Виктора Татаринова. И седьмая книга («Последняя явка» издавалась дважды). Это позволяет говорить о ее авторе как о писателе, который пришел в литературу со своей темой: острой, нужной и неисчерпанной, а может, и неисчерпаемой. Может, не во всем совершенно художественное мастерство этого не совсем молодого и уже не начинающего писателя, но от повести к повести оно заметно совершенствуется. Если в первых произведениях повествование держалось на событии, то в последних событие выполняет скорее служебную роль: оно позволяет автору показать разные человеческие характеры. Много четче и оправданней становится композиция, мотивированней группировка образов. Все это внушает надежду на то, что главная книга Виктора Федоровича Татаринова еще не написана, он идет и будет идти к ней ступеньками следующих книг.

Н. Кралина.

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Романов на разгоряченном коне лихо подлетел к офицеру, стрелявшему из револьвера, и наотмашь рубанул его шашкой.

Из показаний очевидца

Стройный, туго затянутый ремнем, он вошел в кабинет начальника и вытянулся в струнку.

— Уполномоченный Ковалев по вашему приказанию...

— Прошу, — Быстров кивком головы пригласил молодого сотрудника садиться. — Вы, наверное, не догадываетесь, зачем я вас пригласил? Садитесь... В Костряках при загадочных обстоятельствах исчез председатель колхоза Федор Романов. Как в воду канул: был человек — и нет человека.

— Председатель колхоза? Работа кулаков, — уверенно сказал Ковалев. — Распоясались, никакого удержу не знают. Убийство за убийством в уездах.

— Вперед забегаешь, не спеши с выводами, не спеши, — Быстров по привычке перешел на «ты»: он не придерживался строго официального тона в общении с подчиненными. — Это дело поручаю тебе. Вот в этой папке исходные данные о жизни Романова и сведения о его последних днях. Запрягай-ка, соколник, лошадь да в первую голову — в Тутаевскую больницу. Там среди больных отыщешь сына пропавшего председателя, кстати, един-

ственного, и артельного конюха. Старика звать Архипом. От них и потянешь ниточку. Расспросишь, прикинешь — что к чему и для чего. А насчет кулаков...— Быстров усмехнулся, свел густые с проседью брови.— Возможно, и кулацкая работа, но тут надо действовать наверняка, факты надо добывать, факты. Спешка — плохой советчик. Смелость и решительность плюс разумная рассудительность — вот наша чекистская заповедь. Помни се. На селе есть комсомольская ячейка. Сумей подружиться с молодежью.

Начальник подозревал Ковалева к карте, показал кратчайший путь до Костряков, ткнул карандашом в точку, над которой красным флажком было обозначено наличие сельсовета, а сам вернулся к столу, где лежала горка нерассмотренных бумаг. В его уставшем взгляде угадывались беспокойно проведенные ночи. Дел было невпроворот. Донесения из уездов области не радовали: убит корреспондент сельской газеты; сгорела ветряная мельница крестьянского комитета бедноты; церковники запугивают вступающих в колхоз. Да разве все перечислишь. Стаей воронов кружатся явные и тайные враги над обобществленной землей, над деревнями и селами, поворачивающимися к новой жизни.

Быстров обладал удивительной работоспособностью. Он никогда ни на кого не повышал голоса, был немногословен, но строг и справедлив, неторопливо и обдуманно решал вопросы. Сейчас начальник, заложив руки за спину, поскрипывая старыми половицами, сосредоточенно шагал от стола к двери и обратно, будто от вехи к вехе перемеривал всю свою нелегкую жизнь.

В этой комнате толстостенного бывшего купеческого особняка, похожего на крепостную башню с маленькими окнами-бойницами, возвышающегося над высоким забором, Быстров по решению Ревкома начал работать председателем городской чрезвычайной комиссии с первых дней освобождения Ижевска от колчаковцев. Тогда ему было сорок. Недавно перевалило за пятьдесят. В борьбе с белобандитским охвостом, с саботажниками и

вредителями всех мастей пролетело время. Сколько больших и малых событий было на его пути! Однажды раненый Быстров с группой красноармейцев-разведчиков попал в плен к махновцам. На допросах красноармейцы молчали. Их били, а потом бросили в подвал. На рассвете следующего дня сам батко Махно распорядился поставить их к глинобитной стене украинской хаты. В ушах до сих пор звенит короткая команда: «Пли!» У Быстрова по спине стекает холодный пот. Не хотелось умирать так нелесо. В честном бою — другое дело, а тут... Им, даже безоружным, не позволили побыть со смертью с глазу на глаз, они стояли спиной к строю карателей. Пули выше головы сверлят стену, разбрызгивая фонтаны едкой пыли, запорашивающей глаза. Каратели ждали: не дрогнут ли? Не попросят ли пощады? Это было невыносимо. Красноармейцы, как по команде, повернулись лицом к черным дулам винтовок, но пощады никто не запросил. Беспорядочно грохнули выстрелы второго залпа, потом все стихло. Когда кавалерийский отряд прискакал на помощь, они, обнявшись и плотно припав друг к другу, словно живые, шеренгой лежали на не просохшей от росы траве. Хоронить их вышло все село. До братской могилы оставалось всего несколько десятков шагов. И вдруг один из убитых шевельнулся, тронул рукой прострелянную грудь, тихо, но внятно сказал: «Врешь, не сдамся!..»

Быстров подошел к книжному шкафу, но в отсвечивающих стеклах не увидел ни прежней своей стройной фигуры, ни вьющихся волос. Далеко умчалось огневое время гражданской войны. Меняются времена, меняются люди. Молодые, полные задора и неукротимой энергии парни приходят на службу, сменяя уходящих на отдых ветеранов. А он по-прежнему в строю. Порой ему кажется, что он все еще молод, если потребуется, не хуже, чем прежде, удержится в кавалерийском седле. Однако временами ноют к непогоде старые раны. Тогда Быстров длинной ладонью начинает утюжить лысеющую голову: это почему-то успокаивает, как лучшее обезболивающее средство. За молодыми

угнаться трудно, он и не пытается, а вот передать им свой немалый опыт — для него задача номер один. Потому он нередко спрашивал себя: а все ли он делал так, как нужно? Не остался ли в долгу перед своей совестью? Быстров, вышагивая, между тем подумал о Ковалеве: поднатореет и этот, на все нужен срок. В душе соглашался с ним: пожалуй, парень-то прав насчет кулаков, борьба с ними не окончена. Многие затаились, действуют исподтишка. Попробуй-ка угадай, что у них на уме.

— Ну, не паломай дров, ступай, — наконец остановился начальник перед Ковалевым. Он проводил уполномоченного озабоченным взглядом.

Из спецшколы Ковалев приехал совсем недавно, не успел еще как следует прочувствовать всей сложности новой службы. И сразу — в большое дело. Кто знает, справится ли?.. Быстров, поймав себя на этой мысли, с досадой покачал головой: эго куда его повело! Зачем эти сомнения: ведь другого-то выхода все равно у него нет! Все до единого сотрудника в разъездах, каждый человек нагружен до предела и работает за двоих. Кабинеты пустуют, их хозяева, вот такие же точно парни, возможно, чуть-чуть постарше и поопытнее, без сна, неделями — кто в седле, кто пешком — мыкаются по районам и, как полномочные представители власти, то тут, то там восстанавливают нарушенную кем-то справедливость.

Раздался резкий звонок телефона. Быстров снял трубку.

— Слушаю, товарищ Чеков!

Звонил секретарь обкома.

...Обычной суетой встретила Ковалева Коммунальная улица, как только он вышел из здания. Когда-то давно впервые приехав в город с отцом, Димитрий очень удивился этой длинной-предлинной улице и запомнил ее. Тогда она называлась Базарной. По деревянной торцовой мостовой то и дело, как козлики, подпрыгивали маленькие легкие тарантасы, с краю дороги тянулись узкие дощатые тротуары, а по ним, гулко выстукивая каблуками, куда-то спешил народ. Тогда он впервые

видел так много людей. Двухэтажные дома казались огромными, а сам город — бескрайним: ни обойти, ни объехать. Много воды утекло с тех пор, но по-прежнему стояли дома, которые уже не казались ему такими большими.

Сейчас и дома, и мостовая, и тротуары засыпаны снегом. Димитрий, проезжая по городу, привычно смотрел в лица разбуженных заводским гудком людей. Они шли ровно, уверенно, к назначенному часу, и от их дыхания на улице будто делалось теплее. В первый приезд люди были совсем не похожи на этих, нынешних. Те были мрачные и угрюмые. Заводы, должно быть, тогда не работали еще в полную силу, и многим рабочим некуда было пристроиться. А теперь по первому гудку, запрудив улицу, шел рабочий класс. Глядя на это шествие, Димитрий испытывал гордое чувство, с которым когда-то в детстве он шел за строем проходивших через их деревню красноармейцев, отправлявшихся на борьбу с Колчаком.

Гордость от сознания оказанного ему доверия наполняла грудь Ковалева. Но ответственное поручение не столько радовало, сколько тревожило его. Не наделать бы ошибок, да еще таких, что и поправить будет уж невозможно. Работать-то придется самостоятельно, вдалеке от товарищей, в глухом захолустье, где в трудную минуту никто сразу не придет на помощь.

Он дернул вожжи, и вороной жеребец перешел на рысь. Вскоре позади осталось около десятка перст. А впереди уже виднелись дома села Тутаево, они густо притулились к берегу реки Серсак, кое-где отсвечивающей на солнце зеленовато-маслянистой наледью. Наледь на реке — это хорошая примета: быть богатому урожаю, об этом Димитрий слышал от отца. Мысли унесли его в небольшую деревеньку с птичьим названием — Рябчиково, затерявшуюся среди холмов и перелесков, за Тутаевым часах в трех езды на добром рысаке. Там он родился, а в Тутаеве окончил ШКМ. Кто как называл тогда это учебное заведение: одни — школой крестьянской молодежи, другие — школой комсомольской молодежи, а учеников звали ше-

кеэмовцами. По деревне ходила молва: **окончишь ШКМ** — в комиссары выйдешь. Бывало, отзвенит школьный звонок, не успеют еще шекеэмовцы парты освободить, а в классы уже входят борода-тые мужики и деревенские бабы с платками на головах — отцы и матери учеников. Ликбезовцы. Они начинали заниматься при свете керосиновых ламп. Тянулся народ к грамоте, как к роднику при утомительном переходе. Дома Димитрий был, можно сказать, гостем. В субботние дни приезжал после уроков, а в понедельник родители поочередно на своих лошадях отвозили учеников обратно в Тутаево.

Запомнился последний учебный год. Начался он неудачно: в первой же четверти вся семья заболела тифом, дом превратился в лазарет. Димитрий больше недели пролежал в полузабытьи. Потом пришла суровая зима. Пока едут до Тутаева, ребята не раз выскакивают из саней и дружной ватагой бегут вслед, греясь на ходу. Однажды возница был вынужден остановиться в починке: ребятам, перемерзшим на лютom морозе, надо было отогреться. Они разобрали свои котомки и забежали в первую избу, над соломенной крышей которой стоял приветливый дымок. В тот день, как оказалось, мать проводила Димитрия в школу последний раз: ослабевшая от болезни, она не дожила до конца недели. В котомке, собранной ею в дорогу, сверху лежали мороженые пельмени. В избе у печки они оттаяли, а потом, по дороге в Тутаево, смерзлись в один комок. Так и пришлось их рубить и варить крошечком. Задумчивая улыбка сошла с лица Ковалева, он зябко поежился, почувствовав, что холод забрался ему под шинель. Тут же подтянул ремень и пустил коня крупной рысью.

В больнице его встретил весьма подвижный старик-доктор, который на вопрос Ковалева, находят-ся ли здесь нужные ему больные, быстро ответил:

— Да-с, молодой человек.— Доктор погладил аккуратно подстриженную бородку.— Их к нам доставили утром. Дотронулся я до старика — ни жив ни мертв, синюший, будто вся кровь в нем по-чернела. Мальчонка и того хуже, почти не дышит.

К полудню старик-то все-таки оклемался немного. «Требую, говорит, позвонить в гешеу, есть важное дело». Говорит, будто у них с председателем колхоза что-то неладное. Да что нам толковать, разрешаю пройти в палату, все сами и выясните. Да-с, вам видней, а я в вашу епархию забираться не собираюсь.— Доктор накинул на плечи Ковалева халат и засеменил в палату, где лежал колхозный конюх Архип Наумович Кузьмин. Глядя поверх головы доктора в конец коридора, следом шагал Ковалев.

Еле уловимого стука двери оказалось достаточно, чтобы разбудить больного. Он сбросил одеяло и не моргая уставился на незнакомого человека. Через некоторое время, придя в себя, не спеша поднялся на локтях, преодолевая боль, и, откашлявшись всем костлявым телом, по просьбе уполномоченного начал рассказывать все, что знал о случившемся.

...Не повезло в тот год колхозу «Красный Октябрь». На него разом свалились, казалось, все беды. Лето не порадовало урожаем озимых, засушило яровые, занимавшие небольшие вырубki да суглинистые холмы. Колхоз не мог рассчитывать по контрактации, часть долгов пришлось перенести на следующий хозяйственный год. Не было и кормов для скота, даже люцерны и клевер, посеянные под злобные насмешки кулаков и подкулачников, выгорели от палящего солнца и суховея. Ко времени сенокоса на этих посевах лишь небольшими островками зеленели сорняки. Осень тоже выдалась неблагоприятная, затяжные дожди залили картофельные поля, сгнил и без того скудный урожай. Пришлось сокращать поголовье скота, которого и так-то было меньше некуда. А тут зима залютовала, с морозами-трескунами, с метельным и беспутым февралем, до крыш заметая избы, начисто передувая узкие ленты санных дорог.

В один из таких вечеров Федор Романов вернулся домой, освободившись от служебной беготни. Вынул из кухонного стола чаши, подал Васе каравай черствого хлеба. На столе задымилась

щи. Отец с сыном принялись за еду. Вдруг за окном в заунывном вое ветра послышался скрип полозьев, звякнула щеколда, послышались шаги в сенях. «Должно быть, кто-то по спешному делу», — подумал Федор, отложил ложку. Всякое бывало: то конюшню оставят без охраны — долго ли до греха, то исчезнет из амбара артельное зерно. А он — единственный коммунист в селе. Везде обязан успеть, за все он один в ответе.

Дверь открылась, и на пороге появился коренастый мужчина с черной бородой, в заснеженном тулупе, в руке — кнут, следом за ним — другой, худощавый, лицо закрыто воротником.

— Мир д-дому сему, — заикаясь, произнес простуженным голосом коренастый, отряхнул тулуп, ощипал пристывшие к бороде сосульки, перекрестился на передний угол. — Удачно, выходит, попали, п-прямо к горячей похлебке. П-подумать только, п-пахнет-то как!

— Милости просим, — Федор удивленно рассматривал неожиданных гостей.

У первого большие карие глаза, нос с горбинкой, из-под бороды на щеке проступает грубо зарубцевавшийся синий шрам. Лицо широкое, плоское и вроде бы знакомое. Второй, откинув воротник тулупа, открыл узкоглазое, тусклое лицо; он нетерпеливо топтался на месте, нервно потеревливая жидкие, опущенные книзу калмыцкие усы.

— Куда путь держите? — Федор прикрыл всей пятерней висок, словно бы боясь упустить из памяти что-то чрезвычайно важное. Но это необходимое сейчас никак ему не давалось.

— Не нравится мне т-такой вопрос, — пробасил чернобородый. — Хороший хозяин за стол бы п-пригласил, а т-ты: куда? Неласково встречаешь. К тебе мы. Угощай!

— Можно и угостить, дело обыкновенное, да что-то не признаю я вас, не здешние, что ль?

— Гляди-ка, п-память, выходит, отшибло, бывший учитель, — наступал коренастый, смело проходя к столу. — А т-ты смотри-смотри, может, з-знакомые, а? Вспомни, не пересекались ли наши п-пути-дорожки? — Бородач вытащил из-за